

Мы — из Кронштадта

Леонид АМИРХАНОВ

77

Советская идеология создала весьма живучий стереотип. Морской офицер, белая кость, разговаривает с матросами только на одном языке — языке зуботычин. Идеологическая атака была понятна и объяснима. Но идеологи забывали одно: жизнь в замкнутом пространстве корабля — экстрим, и морские офицеры в походе испытывали его в не меньшей мере, чем матросы, а зачастую и в большей. Хотя, конечно, нельзя сравнивать офицерскую кают-компанию с матросским кубриком. Но если погибал корабль, шансы спастись были равными.

Почти все морские офицеры были выпускниками Кадетского корпуса, располагавшегося на Николаевской набережной Петербурга. До 1887 года она называлась Университетской, а в советское время — именем лейтенанта Шмидта, хотя среди выпускников сего учебного заведения было немало имен более достойных. Одно время Кадетский корпус располагался в Кронштадте в Итальянском дворце, но после того как Павел I перевел корпус в Петербург, во дворце обосновалось Штурманское училище, в 1896 году преобразованное в Морское Техническое училище императора Николая II. Морская практика будущих адмиралов начиналась с первых же лет учебы. Сначала в Маркизовой луже Финского залива, дальше — Балтика, Атлантика...

Но жизнь морского офицера — это не только заграничные плавания, мертвая зыбь Бискайского залива, романтические приключения в Нагасаки. Морское сражение с умным и сильным противником может обернуться смертью без покаяния и погребением в братскую могилу под названием «море». Ведь главная привилегия офицера — право умереть за Родину.

Жизнь морского офицера — это еще и рутина ремонтов, мелких и капитальных, это военно-морская база. И Кронштадт был и остается одной из них.

Некоторые офицерские семьи имели в Кронштадте квартиры, кто-то жил в Петербурге. Холостые, вернувшись из похода, тоже перебирались на берег — в «экипажи», офицерские флигели. Жизнь продолжалась.

Как портовый город, да еще имевший значительный гарнизон, Кронштадт не мог обойтись без достаточного количества питейных заведений. В отдельные годы их количество достигало двухсот. Вернувшийся из дальнего похода офицер мог красиво провести время в ресторане «Бекеша» в Петровском парке, в трактирах «Тулон» Е. М. Голубева или в «Мыске» (официальное название — «Мыс Доброй Надежды»).

Как и во всяком портовом городе, в Кронштадте были фешенебельные гостиницы и дешевые публичные дома. «Неаполь» считался одной из

лучших гостиниц, а в номерах «Лондона» имелись ванны. Банкетный зал отражался в огромном зеркале, а в аквариуме неслышно стукались боками ленивые карпы, которые впоследствии отправлялись на кухню. Публичные дома содержались под бдительным оком начальства, настолько бдительным, что главный командир порта вице-адмирал Р. Н. Вирен, убитый в феврале 1917 года, писал для них правила внутреннего распорядка.

Но говорить о том, что Кронштадт был «городом контрастов», нельзя, ведь он заключал в себе три составляющих: порт, город, крепость.

Господа офицеры, как правило, шли в Морское собрание Кронштадта, основанное в 1786 году. Сначала это был небольшой клуб, но через десять лет почти все офицеры ушли в плавание к берегам Англии и Голландии. Начинаясь эпоха наполеоновских войн. 20 ноября 1858 года клуб удалось возродить, но уже как Морское собрание, что звучало, конечно, более представительно. Залы собрания представляли собой тогда настоящий музей: здесь было собрано большое количество статуй, ваз и других раритетов, подаренных собранию императорской фамилией и моряками иностранных флотов, посещавших Кронштадт. Стены украшали полотна Репина, Айвазовского, Боголюбова. Гражданская публика допускалась в Морское собрание лишь на открытые лекции, с которыми выступали светила науки А. Н. Крылов, А. С. Попов.

В день закладки Морского собора, 8 мая 1903 года, здесь завтракали император Николай II с семьей и великими князьями. Офицерское собрание стало модным явлением, и вскоре появилось артиллерийское офицерское собрание, а потом и в полках Кронштадтском и Кроншлотском. Штатские решили не отставать и организовали Коммерческое собрание. Но блеск офицерских погон затмевал сверкание купеческих бриллиантов.

В 1861 году на Осокиной площади некто Цеханович открыл первый в Кронштадте театр, но в 1872-м его деревянное здание сгорело, разумеется, вместе с театром, и тогда с разрешения самого Александра II возвели новое каменное здание. Зрительный зал, вмещавший 900 зрителей, имел ложи и для высокопоставленных персон: императора, генерал-адмирала (начальника всего российского флота), главного кронштадтского командира, директора театра (для незапланированных гостей). Дамы получили еще одну возможность показать новые наряды, а господа офицеры — новые звания и ордена. Однако в декабре 1880 года театр снова настиг пожар — от здания остались обгорелые стены, снесенные лишь в 1920-х годах. Еще один театр решили не строить, так как в Коммерческом собрании открылся небольшой театрик, которого, по мнению властей, было достаточно для Кронштадта. Театр не пустовал. Здесь пел Федор Шаляпин, с личного разрешения вице-адмирала С. О. Макарова кронштадтцам удалось посмотреть пьесу М. Горького «Мещане». А 27 сентября 1896 года выступали, как гласили афиши, «40 диких женщин» — ансамбль «Амазонки» из Дагомеи (Бенина), которая была тогда французской колонией.

Неотъемлемой частью светской жизни Кронштадта были визиты иностранных кораблей. Не тех, что десятками дымили в купеческой гавани, а боевых. То французские четырехтрубные броненосцы-«утюги», то американские крейсера с легкими ажурными мачтами, то элегантные, но строгие «германцы». В 1891 году пришла французская эскадра под командованием контр-адмирала Жерве. На торжественном обеде в Морском собрании присутствовало около 500 человек. Французские корабли «Марсо» и «Маренго» посетил император Александр III. А французские моряки имели возможность показать себя во всей красе. Видимо, Кронштадт и его жители произвели на французов столь сильное впечатление, что в 1902 году эскадра доставила сюда самого президента Франции Лубэ.

А знаменитый визит кайзера Вильгельма II, сыгравший немалую роль в формировании международной политики

России, на яхте «Гогенцоллерн» под охраной легкого крейсера «Кёнигсберг»! Но и нам было что показать: императорская яхта «Штандарт», на которой Вильгельма встречал Николай II, по убранству интерьеров лишь немногим не «дотягивала» до Зимнего дворца.

Американцы тоже не раз появлялись на Большом Кронштадтском рейде. В 1911 году экипажи четырех броненосцев под командованием адмирала Боджера несколько дней гремели американским акцентом в Морском собрании Кронштадта.

Настоящую английскую речь здесь услышали весной 1914 года, когда на виду кронштадтских фортов бросили якоря корабли английской эскадры знаменитого адмирала Д. Битти, которого историки считают одним из лучших флагманов. Обед и бал в его честь были великолепны.

И если старшие офицеры, немало повидавшие в походах, с деланным равнодушием встречали иностранных коллег — может, союзников, может, противников, то корабли — другое дело. Профессиональный интерес отличается от праздного любопытства, как дикая женщина из Дагомеи от солистки Большого театра. Это романтически настроенный Александр Блок мог написать:

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно среди нас.

Морские офицеры внимательно осматривали каждую мелочь, от которой на флоте подчас зависит жизнь всего экипажа.

Зима — самое трудное время для моряка. На Итальянском пруду устраивался каток, иллюминация. Мрачные громады фортов с завистью слушали звонкий смех танцующих пар. Конечно, следовало навестить маменьку в каком-нибудь далеком Саратове. Успеть «покрутить» два-три безнадежных романа с местными невестами. Но служба — прежде всего. Снова проверка паровых машин на мерной миле, практические (учебные) стрельбы, императорские смотры — море тянуло, звало. Наконец буксирным ледоколам удавалось очистить фарватеры от весеннего льда. И снова — в поход.

Фото: Екатерина Лебедева

